

В канун 90-х годов на областных поэтических семинарах, на занятиях кузбасского литобъединения «Притомье» стал появляться молодой автор, совершенно независимый от эстетских критериев, преобладавших в той молодёжной литературной среде.

Пока большинство писали имитационные домашние стихи, подражая «мэтрам века», поэт Сергей Леонтьев искал вдохновения в открытом мире, в кристаллических громадах Божьего творения.

Хороший спортсмен, слаломист, он уходил на лыжах за пределы задыхающегося под смогом Новокузнецка, посещал чистые природные места, «где никто не ходит». Мало ли таких мест в предгорьях Кузнецкого Алатау, в здешней черневой тайге... Это и есть изначальная Сибирь. Оттуда приносил он наметки будущих произведений.

И с этими полусложившимися стихами и ещё не написанными страницами напряжённого прозаического текста спускался потом в шахту (*участок № 11 на «Абашевской»*). По профессии он – МГВР, т. е. машинист горных выемочных работ...

Сергей Леонтьев быстро прошёл неизбежную в литературе стадию ученичества. Малые стихотворные формы очень скоро перестали его интересовать. Энергия, данная от природы, требовала иного выхода. На пороге бурных событий начала 90-х годов была закончена поэма «Затмение» – и пошла сложная «фолкнеровская» проза.

Кузбасс литературный не принял этого автора. Возможно, слишком «нездешним» показался он и в компаниях снобов, питающих-

ся изысканной заумью, и в общении с более опытными коллегами, отвечавшими ему рецензиями в духе соцреализма.

Издательства, которых в Кузбассе теперь вроде бы несколько и которые оперативно издают молодых, к творчеству Сергея Леонтьева остались глухи.

Были и совсем комичные, на обывательском уровне, жалобы растерянных профессионалов: «Трудно читать!».

Как будто легко читать Фолкнера или Достоевского! Как будто легко читать нашего Анатолия Яброва, тоже сложного и многопланового писателя...

И пока оппоненты пребывали в индифферентном состоянии, назрело всё, что предвозвестил молодой автор в поэме «Затмение»... И скоро перестало существовать огромное государство.

**«И если в трюках
корыстной жадности
устроить в трюках
притон для гадости,
заполнить грязью,
кому что нравится,
то судно сразу
на дно отправится...»**

Бесстрашный новичок в литературе безбоязненно посмотрел в лицо современности, в вихревое движение распадающихся миров, дерзнул передать боль именно нынешнего и завтрашнего живого, кровоточащего дня. И нигде не опустился до мелкой злободневности. Сквозь туман смутного времени он увидел новые повороты старых «проклятых вопросов»: что движет громадами людей? кто «правит бал» «среди шумного бала»? что в истории зависит от конкретного «маленького» человека?

**«Давай без спешки
обсудим вместе мы:
коль люди пешки,
то где ж грессмейстеры?
С небесной выси
слетев с рождения,
мы все зависим
от наваждения?
В ничейный вертел
так мало верится.
Ведь кто-то вертит,
коль вертел вертится.
Ведь кто-то правит
делами грешников
в игре без правил
и без подсвечников...»**

В поэме «Затмение» нет банальных мест, нет ничего шаблонного, нет штампов – ни речевых, ни строфических, ни штампов-образов.

Но нет и никаких искусственных, нарочитых изысков. Перед нами новая, но естественная поэтическая форма, организующее начало которой заложено в особом, убыстрённом, динамичном ритме, удачно найденном и чётко выраженном.

Героиня поэмы – Совесть, которая «есть Суд наш и Богородица». Ответы её мук и страданий пронизывают всю поэму, проблескивают во всей картине «Затмения». Человек (главный персонаж) приходит на могилу матери – а обнаруживает кладбище Родины...

Шахтёрские забастовки 1991 года Сергей пережил без восторга. Здесь, как и в литературе, он оказался отдельным человеком, с особым мнением. В разгар борьбы он принёс в городскую газету статью под названием «Я – против», в которой довольно точно обрисовал складывающиеся последствия шахтёрских выступлений. Правда, он говорил после, что газетчики так обработали статью, что она стала похожей на ребус. Но даже в таком виде она осталась неординарным свидетельством того раскалённого времени.

Шахтёр-литератор Сергей Леонтьев – натура созидательная.

У него хорошая семья, в которой он по своей системе воспитывает детей. Собственно ручно выстроил оригинальный дом в дачном посёлке. Сам «образовал» себя, ибо из-за ранней смерти отца не имел возможности получить высшее образование. Самостоятельно овладел литературным мастерством, выработал свой стиль и написал несколько больших прозаических произведений, которые рано или поздно выйдут, наверное, к серьёзному читателю.

Но жизнь не балует его. Сергей Леонтьев травмировался в шахте: куском угля придавило ногу – и были расплющены пальцы стопы. Полтора месяца провёл на костылях. Начался остеомиелит, последовала операция...

Что впереди у этого незаурядного человека?

«Неизвестно будущее, – писал неимоверный писатель Гоголь, – и стоит оно перед человеком, подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот. Безумно летают в нём вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга»...

Да, таково оно, неузнавание наше. Не распознаём мы «в очи друг друга», не внемлем талантам, что даны каждому от Бога. Так не узнали вовремя Сергея Леонтьева.

Но не всё же летать нам вверх и вниз, ничего не видя!

Когда-то надо заметить друг друга.

Любовь Никонова.
(Февраль 1995 г.)